VII.

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.

Троицкой монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣсто великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ: сердце

его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой, ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину саженъ тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естьли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегориче-

скими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большой части отъ иностранцевъ, которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштеинъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются любопытнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое достопамятно, чего и не льзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣ-

щенїе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображенїе, даже и сердце. Я съ какою-то любовїю смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствїемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившїй Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не простыла Руская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшїй съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не дозволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ; можетъ быть Царица Наталїя Кириловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнїя украшался

всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь гуспѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. — Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самой холодной медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили

еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть мысленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданскаго просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учатся въ школѣ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Русскіе во время Царей. Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сенарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности! ОНА любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимѣе самыхъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва

вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли сотая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близь своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытищскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодѣяніе еще превосходитъ труды; и время открытія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно большаго числа. — Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ саженъ въ 60. Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обагренный кровію под-

данныхъ, истинныхъ Бояръ Рускихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новогородцевъ, славнѣйшихъ дѣпей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, вопервыхъ по ея кроткимъ добродѣтелямъ, вовторыхъ и по тому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Ѳеодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ; спѣшили изъявить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную

благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Іоаннова царствованія. —

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичь любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ облекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близь развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми, съ которыхъ валится позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его

лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревами, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичь, возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрій Васильевичь, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденнаго сына ихъ Димитрія. Казалось, что Провидѣніе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ,

сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селенїемъ. Тутъ я отвѣдывалъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстїя, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Село Пушкино (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторїи тѣмъ, что въ немъ Боярин Иванъ Андреевичь Хованскїй, оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многїе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англїи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствїе усердїя Московскихъ жителей къ Святому Сергїю! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущїе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣз-

жихъ съ большою для себя выгодою. Они всѣ могли бы разбогатѣть, естьли бы гибельная страсть къ вину не разоряла многихъ — страсть, которая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока. Руской человѣкъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣкоторое безпамятство, чтобы поднять руку на ближняго... Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ,

что въ старину назывались такъ высокïе терема, въ которыхъ Рускïе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе. Близь ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданïемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошïй сельскïй видъ. Онъ полюбился ЕКАТЕРИНѢ Великой, Которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ, изготовлены матерïалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданïю, насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и несовершено, есть для меня что-то печальное. Развалины

древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданїе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о прудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствїемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскїе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешнїе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ. Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Залѣскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи! Видно, что онъ безъ вниманїя смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю. Россія въ сравненїи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденїи *обитаемости*; въ первые вѣки Христїянскаго лѣтосчисленїя она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ

являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африканскихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ Натуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вовторыхъ, дерева растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неистощимые слои земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заступа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ. —

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя

годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милостынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожь варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена запопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другова супружества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра (*).“ — Боитесь ли вы смерти? — „Чего бояпься? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.“ — Тебѣ не жаль будетъ старушки? — „Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.“ — А естьли она переживетъ тебя? — „Что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.“ — — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы

(*) Думаю, что это старинная пословица.

изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣтимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ. Всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда — то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троицы, юные Цари, Іоаннъ и Петръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимаго злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичь и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Стрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, страшась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню;

но оттуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагрить руки свои въ крови Царской, умертвить Патріарха, всѣхъ главныхъ Бояръ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государи желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительное доказательство его невинности!), спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привести въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ нещастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій — ему отрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ мона-

стыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія итти въ Москву, истребить опасный корпусъ Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мятежники были нужны для тайныхъ плановъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что ПЕТРЪ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Верстъ за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу. — Я взъѣхалъ на гору Волкушу. . . . Рускіе Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ! . . . Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго

войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества! . . . Рускіе были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россію.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

В. Ф.

III.

Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ.

(Продолженіе.)

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ нещастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутреннія раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію! . . . Но Святый Угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего.* Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось

извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сей обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіянской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ-и шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четы-

рехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Василье Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіянское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Рускіе Патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ ПЕТРОМЪ Вели-

кимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи! — Между многими любопытными вещами я замѣтилъ Евангеліе Царевны Софіи и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, которая отмѣнно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Руской Государь ознаменовалъ Свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, если не ошибаюсь, ПЕТРА Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедроспи Государей, кромѣ 100.000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе отмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохлаждается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ

самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молельщиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, черезъ 200 лѣтъ удивительной робости Славянскаго поколенія, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны: хотя злобный Тахтамышъ скоро послѣ опустошилъ Рос-

сію, взялъ и выжегъ Москву: однакожъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, Герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ Рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ — не стыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его: Полоченинъ Храбрый, Миша Новогородецъ, Сава Сильный, Ратмиръ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго — и Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ.

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрію, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святые гимны Христіянскіе, которые день и ночь

не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Рускихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила. – Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

5. Когда недостойные бояре и гнусные измѣнники свели съ престола нещастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе Патріоты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамъ Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкій, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославлѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли,

и клялись быть вѣрными. — — Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичь Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраамомъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

4. Наконецъ юный ПЕТРЪ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостію прекратишь умыслы Софіина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истиннымъ Рускимъ Палладіумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло героическій патріотизмъ — и для того свирѣпство Поляковъ, желавшихъ спокойно тиран-

ствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютости и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій требовалъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и плавая въ крови своей, еще грозилъ Гетману правосудіемъ Неба и храбростію вѣрныхъ сыновъ отечества. Патріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ. Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ натвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія трогательна; но еще трогательнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Рускихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомышленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяти всѣхъ Рускихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали

гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Русскіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляютъ и домы и семейства свои въ жертву Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя отечества!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Русскихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ

Троицкой библiотеки посыланы къ ЕКАТЕРИНѢ Великой, которая столь ревностно занималась нашею Исторiею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ отмѣнъ противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россiи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскiй не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ. Троицкiе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскiя окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкiй каменный дворецъ Царя Iоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построенiи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключить, что онъ и постро-

енъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игумномъ: ни одной черты геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ; оно безъ сомнѣнія есть также вымыселъ; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи? — ПЕТРЪ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Онъ посылалъ Архимандрита

въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ: „какъ не быть для Вашего Величества?“ и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человѣка, которому онѣ извѣстны по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по-Французски, а важные учители вмѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости.

Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состоянiи.

Въ Лаврѣ погребены многiе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбатыхъ, Гагиныхъ, Ряполоскихъ, Воротынскихъ. Князья Долгорукiе имѣли бы право возобновить фамилiю Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (если я не ошибаюсь) Князя Дмитрiя Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сiе имя, столь любезное для Русскихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Дiонисiя. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Авраама? и къ сожалѣнiю услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россiи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Авраамъ оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Мареа Владимiровна, двоюродная племянница Царя Iоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Исторiи. Iоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго

Принца; давалъ ему города, чтобы снова отнимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ быть ему вѣрными, и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его; она по любви къ нему отказалась отъ Россіи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кириловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ

ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удержать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылось. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозванье *Толорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуетъ его Севастіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Іоанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Бояръ и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!*.. Царевичь Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтель-

ная Царина Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать, и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вросшаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и нещастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естьли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Рускому Патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ сихъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею;

и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, естьли мы клевещемъ на сей пепелъ; естьли несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмыслію или враждою?.. Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

IV.

IV.

Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ.

(Окончаніе.)

Борисъ Годуновъ (*) былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того страстнаго честолюбія, развить тей великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ

(*) Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

въ Кравчïе, игралъ ролю Дружки на свадьбѣ Царя, и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Ѳеодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годунову. Кончина сего Государя и слабость Ѳеодора открыли ему дальнѣйшïе виды властолюбïя. Будучи только семнадцатымъ Членомъ Тайнаго Совѣта.(*), онъ сдѣлался единственною его душею: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россïи. Иностранные Писатели называютъ его торжественно-объявленнымъ Протекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбïе и разумъ Кромвеля, не имѣя его титула: Рускïе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и кроткое царствованïе Ѳеодора, послѣ ужасовъ Іоаннова, казалося народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Ѳеодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленïя относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностïю, благоразумною политикою въ разсужденïи иностранныхъ Державъ, правосудïемъ.

(*) Онъ состоялъ изъ 31 человѣка.

внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу (*), заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; призвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи первый образецъ моральнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было. . . . Увѣривъ Россію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Ѳеодора, слабаго душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ (**), когда на тронѣ пресѣкся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица про-

(*) Доходы его простирались до 90,000 руб.
(**) Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому противились.

сила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвѣтствовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается властвовать!

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ тонкой политикѣ Годунова: онъ желалъ увѣрить Россіянъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — отложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ (*): армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хотѣли изъявить отмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станѣ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ быть свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на

(*) Маржеретъ говоритъ, пять сотъ тысячъ.

пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описанїе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10000 человѣкъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ, утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъявилъ ему благодарность за усердїе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву, принять корону отъ Патрїарха. Властолюбивая Годунова душа блаженствовала въ сїе время. Едва ли какое нибудь другое царствованїе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человѣколюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающїе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафотахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умол-

чено: на примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа (*); какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія . . . Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей (**), хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Дя пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли (***) учиться; взялъ въ Руску́ю службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ, хотѣлъ употре-

(*) См. Манифестъ Годунова, отысканный милеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.
(**) Мильтона, Пеццея, и проч.
(***) Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при Дворѣ Карла IX въ Шпокгольмѣ.

бить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчены совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ ПЕТРА Великаго. Но Судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Петрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасеніи народа во время страшнаго голоду, который два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 50000 рублей (*); отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, отчаяннаго *Хлопка*, сего Рускаго Катилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ

(*) См. Петрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенія, чтобы бѣдные люди, имъ питаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодѣянія.

золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ (*), сажалъ Царей на троны (**), заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости, славился своимъ миролюбіемъ, дѣйствіемъ одной хитрой политики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы (***) уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя восточнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ тономъ Годунова. . . И сего Монарха, о которомъ ПЕТРЪ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ

(*) Шведскому.

(**) Касимовскаго.

(***) Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ-то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностр. Коллегіи.

сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ Монахинь, изъ фамиліи Романовыхъ (*), научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними домы Бояръ (**)! Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясняемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйству, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный страстію, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для пріобрѣтенія короны: къ нещастію рода человѣческаго мы находимъ такія страшныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя преступленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ льстецовъ, которые хотѣли злосло-

(*) Ефимію Никитишну, жену Князя Ивана Васильевича Сыцкаго.

(**) См. Ядро Россійской Исторіи.

всѣмъ льстить царствующей Фамилiи Романовыхъ. Безпристрастный Историкъ конечно осудитъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденiи нѣкоторыхъ знатныхъ фамилiй: она была причиною ссылки Романовыхъ; она заставила его мѣшать брачнымъ союзамъ Бояръ и терпѣть шпiонство; но должно вспомнить характеръ того времени; должно вспомнить, что Борисъ царствовалъ скоро послѣ Iоанна, который дозволялъ себѣ не такiе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнiя. Онъ не родился Государемъ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ, нежели въ наслѣдственномъ Монархѣ. Послѣднiй въ самой колыбели уже казался намъ властелиномъ; но люди таковы, что имъ трудно считать земнымъ богомъ человѣка, который нѣкогда былъ наравнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знатные Бояре не охотно ему повинуются; и хотѣвъ быть осторожнымъ, сдѣлался притѣснителемъ. Иностранные Писатели (*) замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не трудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ

(*) Маржеретъ.

неизвѣстный наслѣдственнымъ Вѣнценосцамъ! — Къ чести моральнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видала при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ сценъ, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежитъ также къ характеру Годунова; не льзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнію любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь (*). Никто изъ Рускихъ Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олтарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія; рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать (**) . . . Вдругъ

(*) См. Флетчера.

(**) Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедимитрія и слѣдственно недоброжелатель Годунова,

все перемѣнилось!... Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!.. Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя Историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда заранваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Естьли Небесное правосудіе хотѣло наказать Годунова, то Оно не могло избрать ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и естьли Годуновъ подлинно отравилъ себя ядомъ, то безразсудное его отчаяніе можно только изъяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣ-

---

пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и счастливѣе прежняго.

сти (*): ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ болѣться самозванца, на голову побитаго Царскою арміею и не смѣвшаго выйти изъ Путивля, гдѣ едва ли было у него и 5000 сброднаго войска (**). Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Ѳеодора, несогласіе Бояръ и наконецъ измѣна неблагодарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказательствъ. Извѣстно непостоянство народа: онъ могъ быть обольщенъ чудесною новостію и слѣдовать за Лжедимитріевыми знаменами безъ всякой особенной ненависти къ Борису, который правленіемъ своимъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я

(*) Маржеретъ и Петрей, бывшіе тогда въ Россіи, говорятъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Петръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждаютъ, что Борисъ самъ себя отравилъ

(**) Вотъ тогдашнее состояніе дѣлъ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Путивль съ своими Іезуитами; Воевода Сендомирскій, отецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часть Борисовой арміи не могла взять Тульска, занятаго единомышленниками Отрепьева; главная арміа осаждала Кромы, и начальники ея ссорились между собою.

Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова: ибо онъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у сильныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Татищевъ находитъ въ семъ законѣ причину гибели Царя Бориса и нещастнаго семейства его. Но Патріоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Рускихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ успѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (отъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей, таилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ Ѳеодорѣ, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Рускіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской Аннѣ Грей, нашелъ на тронѣ одну преждевременную смерть — — наконецъ о любезной Ксеніи, столь милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдствіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Датскаго, она лишилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сластолюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла

въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезти тѣло Годунова изъ Вирсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтми, при Успенскомъ Соборѣ. Симъ изъявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Ѳеодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: „вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!“ и примолвитъ: „Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы „должны хвалить Царей за все, что они „дѣлаютъ для славы и блага отече„ства!“ — — —

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, не славный, однакожь въ тогдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ

и еще нѣсколько городовъ; за то Королевичъ Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никитича. Три раза съѣзжались Министры: въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ) они поссорились, въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій трактатъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства — грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія, которое дозволило потомству отмстить за предковъ, избравъ ЕКАТЕРИНУ Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится гибелію одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена: такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладоги онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ трак-

тать съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Дионисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ, знающихъ свою Исторію. — Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Рускихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдущъ въ Рускихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься

Исторіею: намъ все говоритъ о томъ, что было, и чего уже нѣтъ! . . .